

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Н82

Andre Norton

WIND IN THE STONE

Copyright © 1999 by Andre Norton

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США) при участии агентства
Александра Корженевского (Россия)

Разработка серии *А. Саукова*

Нортон, Андрэ.
Н82 Ветер в камне / Андрэ Нортон ; [пер. с англ.
Н. Гайдаш]. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
320 с.

ISBN 978-5-699-94076-9

Давным-давно Ветер объединил земли и создал вокруг них мощную магическую защиту, сквозь которую не могли проникнуть силы Тьмы. С тех пор в течение многих веков обитатели долины Стирмир жили в мире, не зная горя и бед. Но однажды злые силы вернулись...

Могущественный маг Эразм с помощью не знающих жалости потусторонних тварей — гоббов — уничтожил большинство сторонников света и превратил Стирмир в долину живых мертвецов. Среди тех немногих, кому чудом удалось спастись, была и юная Фалиса. Но пройдут годы — и судьба уготовит ей новое испытание...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-94076-9

© Н. Гайдаш, перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*С глубокой благодарностью Роуз Вульф,
без чьей удивительной способности разбирать
небрежно написанные наброски и превращать их
в хорошую прозу эта книга никогда не увидела
бы свет, и Дженнифер Брел, редактору, чья помощь
в трудные моменты поистине неоценима.*

Часть первая

1

Горные долины пережили суровую зиму. Запасы, с таким трудом скопленные за короткое лето, были на исходе — уже дважды часть драгоценного племенного скота отправлялась на бойню. Люди привычно затянули пояса. Долгими студенными ночами дети всхлипывали во сне, присосавшись иссохшими губами к уголку одеяла. Будто навеки мир сковал безмерный холод.

Наконец, в предчувствии запоздалой весны, все вокруг охватило сонное волнение. Выступил в путь первый караван, хотя опытные купцы лишь качали головой, прослышав о таком безрассудстве.

С торговцами отправились и несколько путешественников — кто за несколько монет, кто в качестве бесплатных погонщиков. Никто не

осмеливался пуститься весенними тропами в одиночку — слишком часто в горах сходили лавины.

Один из таких попутчиков ехал на лошаденке настолько тощей, что казалось, все ее суставы хрустят и пощелкивают на ходу. Всадник неприметно замедлил ход и вскоре поплелся позади пони, навьюченных тяжелой поклажей. Караван шел мимо высокой скалы — туда-то, в тень, всадник и повернул, стараясь не привлечь к себе лишнего внимания. Впрочем, никто на него и не смотрел. Солнце еще не вскарабкалось к зениту, а люди и лошади устали так, будто изнурительному путешествию не было начала и не будет конца.

Не поворачивая головы, всадник внимательно прислушивался к каждому звуку и почти неслышно бормотал что-то на языке, мало напоминавшем человеческую речь. Он плотнее закутался в плащ, силясь укрыться от пронизывающего ветра, хотя, столько прожив высоко в горах, должен был бы привыкнуть к постоянному холоду.

Впрочем, чего-чего, а лишений ему испытывать не приходилось. Тонкие губы изогнулись в полуусмешке. Позади возвышались башни Валариана, Цитадели знаний, где он до недавних пор пребывал в роли ученика — не важно, на каком счету.

Цитадель перестраивали, надстраивали и достраивали, пока она не погребла под собой всю

долину, и лишь незыблемые горы остановили бесконечное строительство. Она была такой древней, что ее фундамент, наверное, покоился на позвонках самой земли. Никто из тех, кто щурил в своих клетушках воспаленные глаза, какие бывают только у бессонных ученых мужей и безумных филинов, не пытался проникнуть разумом в то далекое прошлое, когда древние камни сложились в первую валарианскую стену.

Ныне Цитадель населяла горстка людей, а ведь некогда в эти коридоры стекались бессчетные ученики. Имена многих вошли в легенду. Теперешние же как пена в бокале эля — легкие пузырьки, мельгешащие на поверхности.

Каждый ученый копался в одной раз и навсегда выбранной узкой области, и его познания, пусть самые глубокие и достоверные, оставались почти полной бессмыслицей даже для сподвижников. Да и была ли от них вообще какая-то польза?

Справа, за камнями, раздался чуть слышный шорох — всадник поджал губы и, резко обернувшись, издал звук, похожий на возмущенный стрекот пещерной крысы, защищающей свою территорию от соперника. Он слушал и ждал — больше не было ни шороха в кустах, ни теней, мелькавших от камня к камню. Эразм, четвертый сын смотрителя границ от третьей жены, снова улыбнулся и пришпорил свою клячу. Та послушно ускорила шаг.

Он уже проходил здесь — сколько лет назад? В Цитадели знаний время текло незаметно. Там гораздо больше внимания уделяли эпохам, чем месяцам или дням недели. Мать сослала его в Валариан, застукав однажды вечером в заброшенном саду, где он предавался одному из своих тайных увлечений. Следуя за матерью в усадьбу, Эразм ожидал наказания. Но именно тогда и началась его настоящая жизнь.

Хотя теперь силой разума пользовались в основном барды и стихоплеты, в былые времена счастливые обладатели таланта правили миром, не обнажая меча. В тот давно минувший вечер застенчивый юнец получил возможность заняться тем, о чем и не помышлял.

Его мать была сдержанна и сурова. Скупая на слова, она тем не менее умела одним взглядом повергнуть в трепет слугу — или собственного ребенка. Эразм не помнил, чтобы мать хоть раз заметила его попытку заслужить одобрение, зато уж ни одной оплошности или просто неловкости она ему не спускала. Точно так же и отец со своими воинами высмеивали его потуги овладеть боевым мастерством. Однако мальчик никогда не сомневался в своих возможностях: из части испытаний, которые устроила ему мать, он вышел с победой. Тогда же Эразм понял, что подобный дар — глубоко личное дело и к нему не стоит привлекать излишнего внимания. Нельзя пугать братьев вроде бы такими простыми, а оказывается, странными фокусами.

И силачу-отцу незачем знать, что его ни к чему не годный сын исключительно талантлив.

Самый младший, самый слабый и на первый взгляд самый бестолковый отпрыск древнего воинского клана очень рано научился быть незаметным. Впервые счастье улыбнулось ему, когда мать сообщила, что его изгоняют из ненавистного, не любящего дома. Так будущее оказалось в его руках — и Эразм бесстрашно вступил в огромный мир.

В эти годы в Цитадель знаний поступало все меньше учеников. Детей, которые обнаруживали дар разума, не поощряли развивать свои таланты. Эразм был очень благодарен матери — все-таки она отослала его в Валариан.

Привыкший исподтишка шпионить за жителями родового поместья, Эразм быстро убедился, что и здесь двуличие хорошо ему послужит. На людях он вел себя как желторотый юнец, у которого без постоянного надзора все валится из рук. В то же время он с необычайным рвением исследовал не только тот небольшой уголок Цитадели, в котором еще теплилась жизнь, но и бесконечные коридоры, а в особенности подземелья, где опасные, а то и запретные знания были надежно спрятаны от любопытного взора.

В этих коридорах Эразм впервые встретился с призраком и доблестно выстоял, не поддавшись страху. Там же он обнаружил почти незримые порталы, запечатанные в древние времена.

Сломать печати было совсем несложно. Видения древнего ужаса не повергли его в трепет, лишь подстегнули в нем любопытство и жажду знаний.

На занятиях Эразм всеми силами старался не обнаруживать свое растущее могущество. Он хотел власти — и кратчайший путь к ней заключался в том, чтобы приумножать собственный дар, подпитываясь от чужих, пусть даже ничтожных талантов.

Молодой маг верил, что делает успехи. Однако сколько ни прикидывайся тупицей, близилось время первого испытания. Останется он в Цитадели на веки вечные или разоблачит себя? Эразм все еще не знал, насколько может управлять своим дарованием.

Он с удвоенным рвением взялся за тайные исследования и набрел на удивительные находки. С ними он вышел в мир, вооруженный, как мало кто со времен древней войны между Тьмой Хаоса и Договором Света. Считалось, что такое знание свяжет руки и спутает мысли любого, кто попытается им овладеть. Открытие это укрепило Эразма в дерзостном самомнении. Он твердо верил: обретенных могущества и знаний достаточно для той цели, которая, становясь все ярче, уже затмила для него свет солнца.

Всего-то пара слов, несколько брошенных в огонь травок, отработанный простейший ритуал — и теперь Эразм практически неуязвим.

А уж потом было совсем просто: набраться храбрости, подойти к Йосту и с напускным самоуничижением признаться, что душа к наукам не лежит. Магистр даже пожелал ему доброго пути домой.

Правда, домой Эразма совершенно не тянуло. Там остались несколько человек, с которыми стоило бы поквитаться, но все это меркло перед тем, что теперь оказалось ему под силу. Нет, Эразм знал, куда ехать, и загодя изучил дорогу.

Ночью, когда торговцы отдыхали у костров, он кое-что подслушал и окончательно утвердился в мысли, что верно выбрал путь.

Прежде чем он покинет караван, следовало завершить одно последнее дело. С властью приходит ответственность, и тянуть дольше было нельзя. Сегодня... Или они пока недостаточно отошли от Цитадели, чтобы так рисковать?

Из подслушанного разговора он узнал все, что нужно. Завтра к вечеру древний путь подойдет к развилке. Это будет его первой целью.

По старой привычке, возникшей в самом начале пребывания в Цитадели, Эразм закрыл свои мысли, чтобы никто не проведал о его планах. Можно сколько угодно потешаться над теми, кто остался позади, в каменной гробнице знаний, однако их заклятия и невидимые стражи, безусловно, сильны. Неизвестно еще, вышел ли караван за пределы досягаемости чар,

призванных охранять мир от любых порождений Тьмы.

Последние дни теперь уже бывший ученик провел, укрепляя тело и разум перед весами. Огромные и блестящие, они стояли в главном зале Валариана. С коромысла свешивались на цепях две плоские чаши. Одна из них горела так ярко, что в зале всегда было светло как днем; другая, словно черный колодец, поглощала весь свет. Подобным же образом мудрецы держали перед собой равновесие всего мира. И здесь были охранные печати. Говорили, что если одна чаша сместится хоть на волос, то поднимется тревога.

Хотя — тут Эразм чуть не расхохотался в предвкушении — когда в последний раз Тьма угрожала Свету? Те, кто построил весы, давно умерли. Хранит ли творение их рук хоть каплю былой силы? Он сам — маленький, ничтожный, практически незаметный — живое доказательство того, что брешь в древней магии растет, и ею может воспользоваться любой, кому хватит дерзновения.

Пришпорив кобылу, Эразм представил себе древнюю карту. Кляча фыркала, потела и прядала ушами, будто охваченная смертным страхом, — и неудивительно. Впрочем, время еще не пришло.

Да, не зря он столько корпел над книгами: место первой атаки выбрано идеально. Стирмир — широкая богатая долина. Даже несколь-

ко суровых зим кряду не смогли подорвать ее процветание. Тамошние безмозглые земледельцы мягкосердечны и чураются собственного магического дара, полученного от предков. Теперь эти мужланы поплатятся за то, что много поколений зарывали талант в землю.

В Цитадели знаний часто говорили о Договоре Света; его древний текст по-прежнему торжественно звучал каждые десять дней на собраниях, давно уже превратившихся в пустую формальность. Некогда была война, опустошившая полмира, если не больше. Даже и теперь купцы не рисковали направлять караваны слишком далеко; по слухам, сохранились странные и величественные руины в таких отдаленных местах, что никто не тратил время на их поиски. Некий могущественный повелитель Тьмы — Эразм повел головой, будто в знак уважения — простер кровавую длань над многими землями, однако не преуспел, так как силы Света объединились и дали ему отпор.

О последней битве сохранились весьма противоречивые свидетельства, но большая часть легенд описывала бурю такой невероятной мощи, что рушились самые горы, — видимо, этой метафорой невежды в понятных им словах описывали выброс огромной энергии.

Увы, низвергнув Тьму, буря не пощадила и бойцов Света. Те, кто выжил, поклялись никогда больше не прибегать к страшному оружию. Опустошенный мир замер в изнеможении, с

годами превратившемся в равнодушные, и наконец забылся, будто в дремоте.

Со стороны камней донеслось приглушенное повизгивание. Кобыла дрожала под седлом, воздух пропитался тяжелым запахом лошадиного пота. Всадник нахмурился. Твари за камнями принадлежали ему, он приобрел их в свое полное распоряжение. Если они немедленно не прекратят возмущаться, то получат сполна! Его рука скользнула к тому, что висело на поясе, — не мечу (любой металл сейчас только повредил бы), а жезлу, воспользоваться которым Эразм не смел, пока караван не отошел от Цитадели на достаточное расстояние.

— Ссссаааааа, — угрожающе зашипел всадник. Теперь воняло не только лошадиным потом.

Поморщившись, Эразм вытащил из кармана изрядно поношенного дублета небольшой кисет, источавший пряный аромат благовоний, и, поднеся его к самому носу, глубоко вдохнул. С приспешниками из другого мира осталось мириться недолго — в Стирмире предостаточно слуг иного рода.

Стирмир — и башня Ронус. Конечно, спустя столько лет крепость утратила былое величие, однако башня до сих пор оставалась основным укреплением долины. Эразм намеревался остановиться в ней — она требовала лишь небольшого ремонта. Не секрет, что здания, где проходили испытания магического могущества,

где некогда бушевали страсти, накапливают немалую долю энергии — для того, кто умеет ее собрать. Про Ронус ходила пара историй; Эразм пытался незаметно разнохатать еще что-нибудь, но, к сожалению, у незлобивого, безобидного на вид архивариуса Гиффорда оказалось в запасе немало хитроумных охранных заклятий из тех, с которыми не стоит связываться, если не хочешь привлечь к себе внимание.

Эразм прикусил губу. Все слишком просто. Жители Стирмира сами шли к нему в руки, безропотно, как бараны на бойню. Что бы ни случилось под конец той древней войны, старейшины стирмирских данов дали клятву никогда больше не обращаться к своему дару. С тех пор в Цитадель знаний из долины не пришло ни одного ученика. Местные жители словно приросли к земле — тучной и ожидающей жатвы.

Жатвы, да — неприятные мысли были тут же позабыты, — и теперь все, все достанется только ему. Скоро, уже скоро! До Ястребиного перевала, единственного ныне пути в Стирмир, караван доберется завтра. Но чего ждать? Сегодня, как и всегда, эти олухи рано лягут спать. Что ж, тогда можно и рискнуть!

2

Сулерна из дана Фирта потянулась над стиральной доской, чтобы, как говаривает бабушка, «усталость выщелкнуть», и чихнула — рез-